

Глава из книги

(Начало в №№ 39, 45, 51, 63, 81, 88, 99 за 2004 год, 5, 18, 25, 46, 57, 73, 96 за 2005 год, 17, 33, 77 за 2006 год)

18

Сделав шаг к железному сидению, намертво прикрепленному к тюремной стене, я неожиданно для себя остановился. На мгновение мне показалось, что сейчас сяду не на обычный кусок металла, заменявший узнику шлссельбургской одиночки табуретку, а на электрический стул, через который должны пропустить ток огромной силы. Я представил себе, как электрический разряд превращает во мне все живое в неживое, в НИЧТО, и пожелал. Разумеется, ничего подобного со мной в этой камере не могло случиться, все это дурацкая фантазия мозга, и потому надо поудобнее устроиться на тюремном сиденье, сосредоточив мысли на том, ради чего я сюда пришел — в одиночку шлссельбургского узника под номером четыре...

Но меня все равно что-то останавливало сделать следующий шаг. Я словно стоял перед барьером, за который было бы лучше не переступать. Так чувствует себя человек, впервые получивший приглашение на спиритический сеанс и невольно задумавшийся: а нужно ли идти туда, где совершается что-то мало вразумительное для человеческого ума? В пригласительном билете утверждается, что «ошибается тот, кто видит в спиритизме лишь развлечение и не понимает, что этот феномен, известный с древности, связан с самыми серьезными вопросами человеческого бытия, и что спиритизм имеет даже отношение к будущему человечества, поскольку в спиритических сеансах покоряются неведомые пространства и устраняются расстояния, отмеренные самим Временем». Но можно ли верить во все эти заверения здравомыслящему человеку, знающему, что еще в 1875 году авторитетная научная комиссия, которую возглавил сам Менделеев, после доскональной проверки спиритических «чудес» установила: «спиритическое учение есть обман»? Спириты, правда, после этого не перевелись, но наука ими больше не занималась. Так зачем же идти туда, где взрослые люди, не внявшие доводам ученых, продолжают, как дети, увлеченно заниматься играми в «покорение неведомых пространств», убеждая самих себя и других в том, что на самом деле не существует?

Этот вопрос ко мне вроде не относился — в кармане-то у меня не лежало приглашение от спиритов. Да и вряд ли у меня сейчас был хотя бы минимальный шанс приобщиться в шлссельбургской одиночке к спиритическим чудесам, повстречавшись с призраками из прошлого, и опровергнуть тем самым выводы комиссии, которую возглавлял Менделеев. В тот летний час за стенами древней русской цитадели лучезарно сияла Ладога и, казалось, озаряла своим светом не только весь остров Ореховый, но даже и сумрачные углы тюрьмы, построенной для народовольцев. Призраки, если и обнаруживали здесь себя, то, несомненно, в другое время суток и в другое время года, когда бывшая Государева тюрьма, погружаясь в непроницаемость ночи и наполняясь безмолвием ладожского простора, будто сбрасывала свои каменные одежды, одевалась во всё призрачно-черное и становилась похожа на Существо, вышедшее из земных глубин для тайных посиделок с душами или духами тех, кто отбывал пожизненное заключение в шлссельбургских одиночках. Узники здесь ещё при жизни испытывали на себе всё то, на что обречен spiritus (а это слово в латыни означает «душа» и «дух») в могильном склепе.

В 1891 году, сидя за этим железным столиком, Николай Морозов писал, мысленно обращаясь к своим товарищам по безысходной тюремной доле: «Дорогие мои друзья! Вот и кончается короткое шлссельбургское лето и наступают темные, осенние, таинственные ночи! В эти ночи, спускающиеся черным покровом над кровлей нашей темницы и окутывающие непроглядную мглой наш маленький островок с его старинными башнями и bastionами,

невольно кажется, что тени погибших здесь товарищей и наших предшественников невидимо летают вокруг этих камер, заглядывают в наши окна и вступают с нами, еще живыми, в таинственные сношения... Да и сами мы разве не тени того, чем когда-то были? Разве мы не обратились уже в каких-то стучащих духов, фигурирующих на спиритических сеансах, и невидимо переговаривающихся между собою через разделяющие нас каменные стены?»

Тетрадь, куда записывались эти строки, была одной из тех, которые начал заполнять узник под номером четыре после того, как был ослаблен тюремный режим и заключенным стали выдавать бумагу и чернила (это произошло в 1888 году). Как потом вспоминал Морозов, когда «в этом крошечном мирке заживо погребенных появились чернила и бумага, тотчас же возникла целая литература повестей, рассказов и воспоминаний». Писали практически все узники Государевой тюрьмы. Стопа исписанной бумаги становилась тетрадью, которая в дальнейшем, когда заключенным было разрешено организовывать тюремную переплетную мастерскую, переплеталась и приобретала вид книги. У Морозова к моменту освобождения в 1905 году накопилось целое

однообразием. Это было как прикосновением к источнику, из которого можно было пить почти волшебный напиток, прибавляющий человеку сил и мужества в условиях, когда не только весь мир, но и собственное тело уже переставало восприниматься сознанием как реальность твоего Я. Реальным было что-то бестелесное — живой spiritus, человеческий дух. Именно ему, а не истощенному и измученному болезнями телу было необходимо знать то, чем интересовался еще мальчиком Коля Морозов: «Как начался окружающий мир? Чем он кончится? В чем сущность человеческого сознания и что такое наша жизнь? Стоит ли жить или не стоит?».

На эти вопросы у религии были свои ответы, у науки — свои. В спорах между учеными, философами и богословами Морозов с гимназических лет целиком был на стороне науки. Полное неприятие религиозных догм рождали не только стремительное развитие научных знаний, но и тогдашняя система образования в самодержавной России. «В гимназии, — вспоминал народоволец, — нас кормили мертвыми грамматиками, греческой и латинской, священными историями, где часто рассказывали невероятные вещи, катехизисами и богослужениями, которые мы все пародировали в

нигилизм молодежи означал в первую очередь утрату духовной веры. Христианская теология устами Блаженного Августина провозгласила: мир сотворён «ex nihilo», то есть «из ничего», и вернётся в своё первоначальное состояние после Апокалипсиса. И ради чего тогда живет человек на этой отнюдь не вечной Земле? Ради НИЧТО, которое однажды поглотит всё земное пространство и время вместе с биологическим Гомо сапиенсом, вообразившим Бог весть что по поводу своего научного могущества? Понимают ли юнцы, увлеченные научными знаниями в противовес Закону Божию, что ничего не останется после Апокалипсиса от «праха» земного, из которого сотворен человек? Ни-че-го! Поэтому надо думать о спасении собственной души, а не о разрушении империи, кото-

Н.А. Морозов. Снимок конца 70-х годов 19 века.

Шлссельбургский ключ

собрание сочинений — 26 томов толстых тетрадью (половина из них была объемом в 500-800 страниц, а всего «собрание сочинений» включало в себя 15 тысяч страниц рукописного текста). В основном это были научные труды, которые впоследствии принесли шлссельбургскому узнику известность как ученому-энциклопедисту.

Ещё в юношеские годы Морозов, увлеченно кидаясь от изучения одной отрасли науки к другой, впервые попытался осмыслить прочитанное в книгах по естествознанию и предать бумаге собственные размышления «о сущности человеческого сознания, о строении Вселенной и о возникновении жизни на мирах». Так появилось несколько толстых рукописей, но все они были уничтожены при угрозе ареста в тот момент, когда Морозов уже стал народником. Тогда казалось, что беспокойная и жертвенная жизнь революционера ставит жирный крест на всех юношеских планах оказаться в рядах «победителей мира», то есть ученых, которые своими открытиями ведут человечество к вершинам знаний о Природе, к победе над её грозными силами, к тому удивительному будущему, когда, как писал Морозов, «настанет на земле длинный период такого счастья, которого мы в настоящее время даже и представить себе не можем».

Но при пожизненном заключении крест пришлось поставить на революционных устремлениях молодости положить начало новой истории в России. В четырех мрачных стенах одиночки, где жизнь в привычном человеческом понимании для узника переставала существовать, ум уже не волновала борьба политических идей. Размышления о политической истории человечества ничего, кроме чувства душевного тупика, не приносили. В какую эпоху ни загляни, какое тысячелетие ни возьми, везде «вечные картины насилия и несправедливости». Размышляя об этом, легко было впасть в безысходность и хандру, что в одиночном заключении неизбежно вело к сумасшествию. Сознание надо было занять чем-то другим, и само собой оно сосредоточилось на фундаментальных, мировоззренческих проблемах бытия, которые волновали народовольца с двенадцати лет. Детские «почему?» и «отчего?» по отношению к Вселенной, звездам, Солнцу, Земле, самой жизни на планете словно возвращали Морозова в счастливое детство и наполняли новыми чувствами и новыми мыслями душу, измученную тюремным

смешном виде перед уроком». Почти все гимназисты смеялись над Законом Божиим, церковными догматами и к ужасу ОТЦОВ становились теми самыми ДЕТЬМИ, за которыми с легкой руки Ивана Тургенева утвердилось почти бранное прозвище — нигилисты. В семидесятые годы девятнадцатого века нигилистический склад ума становился преобладающим среди молодежи, отчего сами либеральные реформы, проводимые Александром II, воспринимались ОТЦАМИ как нашествие нигилизма в Россию. Очень многим казалось, что «проказа», которой больна молодежь, становится смертельно опасной для общества, она разлагает его всё сильнее и сильнее. Ведь латинское «*nihil*», от которого образовано слово «нигилизм», означает «ничто». Вот куда ведут Россию нигилисты! В НИЧТО и в НИКУДА! Нужно что-то делать, надо их остановить, пока не поздно...

Но 1 марта 1881 года, когда «Народная Воля» привела в исполнение смертный приговор, вынесенный Александру II, стало понятно, что уже поздно. Что-то непоправимое произошло в Российской империи, где между ОТЦАМИ и ДЕТЬМИ обозначилась не просто мировоззренческая пропасть, а какой-то неразрешимый исторический конфликт. Тут уже пахло кровью и великой трагедией для империи. После убийства царя один из ОТЦОВ весной 1881 года писал в письме к Александру III, передавая свои чувства в виде какого-то вопля отчаяния и негодования по поводу русских нигилистов. Он, верноподданный Его Величества, не понимал, как это можно пережить, когда эти исчадия ада, исповедующие нигилизм, привели Россию «к страшному несчастью, к вечному позору земли русской и всего русского народа... Совершенные при Александре II преобразования должны были поднять русскую жизнь на новую высоту, дать крылья слишком долго скованному народному духу. А между тем вместо подъема мы видим упадок и умственный, и нравственный, и отчасти материальный. Повсюду неудовольствие, повсюду недоумение. Россия представляет какой-то хаос. Разрушительные элементы угрожают гибелью не только правительству, но и всему общественному строю. Мы должны трепетать за самые священные основы народной жизни. Всё расшатано, всё колеблется, все угрожает скорым разрушением. НИГИЛИЗМ несёт России гибель»...

Для отцов Российской империи

рая твердо держится на основах православия.

В тюремной одиночке размышлять на эту тему можно было с утра до вечера. И никто тебе не мешал. Наоборот, режим пожизненного заключения даже предполагал, что заключенный всеми своими расстроеными нервами прочувствует то, что на свободе человеческий ум был бессилён себе вообразить. В шлссельбургском заключении черты жуткой яви обретало само... НИЧТО. Оно неотступно преследовало узников, как привидение в английском замке. Днем в могильной тишине камеры до узников не доходил ни один звук извне. Заключенные могли месяцами не слышать ни одного человеческого слова — даже от надзирателей. Пустая, как гроб, камера не давала ни на минуту, ни на секунду забыть о словно явленной из ада ПУСТОТЕ человеческого существования. Это было самым трудным испытанием: жить, когда вокруг тебя и в твоём душевном мире НИЧЕГО не происходит. Ни-че-го! И нет другого занятия, кроме как хождение из угла в угол. Туда-сюда, туда-сюда — как маятник часов, стрелки которых не двигаются. И не потому, что часовой механизм пришел в негодность, а потому, что время остановилось. Нет больше времени! Оно исчезло, растворилось в какой-то бездне, в которую глаза боялись заглядывать. ТАМ нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. ТАМ — бесконечное НИЧТО, ни к чему и никуда не устремленное!

Уже когда заключенным дали чернила и бумагу, Михаил Новорусский пытался вести дневник, но после нескольких месяцев занятий этим делом вдруг понял, что записывать ему больше нечего. Воспоминания исчерпали себя. Мыслей в голове больше нет. У него, бывшего выпускника Петербургской духовной академии, в тюремной одиночке иссякла дажда вера в Бога. Вместо неё словно образовалось высохшее русло реки, в которую больше не впадал ни один ручеек. Было такое чувство, словно везде воцарилось одно НИЧТО, которое затмило все краски мира, всё его очарование, всю его живительную силу...

Атеист же Николай Морозов именно в Государевой тюрьме укрепил в себе веру — не в Бога, а в НЕЧТО вечное, присущее каждому человеку в отдельности и мирозданию в целом. Как писал народоволец в воспоминаниях, «слово «вечно» производило на меня во всё время детства чрезвычайно сильное впечатление и вызывало мысли о

беспредельности времени и пространства». А раз время и пространство бесконечны, то НИЧТО не существует в Природе. И зря отцы пугают Россию НИГИЛОМ. За этим понятием стоит лишь тайна, разгадать которую под силу человеческому разуму и науке. Если не в ближайшем, то в отдаленном будущем. А пока же надо искать ответ на тот «проклятый» вопрос, который так преследовал Морозова, что однажды облекся в стихотворную форму:

*«В мире вечного движенья,
В превращеньях вещества,
Возникают на мгновенье
Все живые существа.
Но возникнув на мгновенье,
Знать уже хочет существо,
В чем же вечное движенье?
Что такое вещество?
И зачем в живом созданы
Отражаются порой
Вся безбрежность мирозданья,
ВЕЧНОСТЬ ЖИЗНИ МИРОВОЙ?»*

Об этом-то и думал, думал, думал шлссельбургский узник под номером четыре, меряя шагами камеру в тишине, в которой, казалось, становились слышны собственные мысли. Когда от почти могильного безмолвия начинало ломить в ушах и учащено билось сердце, словно пытавшееся резкими толчками восстановить ход времени, Морозов садился на табуретку, откидывался спиной к стене или облокачивался руками о тюремный столик и продолжал размышлять о загадках мира, которые по-разному трактовались религией и наукой.

Тем же самым мне придется заниматься сейчас. И кто знает, не окажешься ли ты в одиночке у черты, за которую человеческое сознание предпочитает не переходить, дабы не смущать себя «неведомым пространством». Как на спиритическом сеансе, когда чей-то дух откликается и вступает в живую связь со спиритом. Между прочим, именно на таком сеансе однажды в общение с Николаем Морозовым вступил spiritus не кого-нибудь, а самого библейского Моисея! Да-да, того Пророка, от которого человечество и узнало, как творился мир в течение шести дней! Правда, не в тюремной тиши случилось это невероятное событие из биографии народовольца, а на свободе, когда ещё бурно кипела революционная деятельность Морозова в Городе, о котором Фридрих Ницше сказал: «В Санкт-Петербурге и я был бы нигилистом».

Виктор МЕЛЬНИК
(Продолжение следует)